

Для россиян ключевая идея — идея справедливости

А.Л. Андреев, доктор философских наук

Доклад мне понравился, в нем я обнаружил ряд идей и мыслей, которые, на мой взгляд, адекватно отражают происходящее. В частности, не умозрительно и не только исторически, но и конкретно, исходя из социологического анализа, можно проследить существование в российском социуме ряд определенных сквозных ценностей, сквозных идей. Я не знаю, как это было на протяжении всей русской истории (в частности, не рискнул бы, как автор, возводить все к Ивану III), но, во всяком случае, на протяжении последних 200–300 лет эти идеи прослеживаются достаточно четко.

Буквально на днях состоялась презентация большого социологического исследования, посвященного российской идентичности, в котором я тоже участвовал. У нашего научного коллектива была возможность провести сопоставления — конечно, не такие далекие, но на протяжении, по крайней мере, последнего десятилетия. И я могу сказать: эти сквозные ценности, которые почти не зависят от социального положения человека, в полученных нами данных очень заметны. Скажем, то, что ключевые отрасли промышленности, образование, медицина в общем и целом должны быть государственными — это никаких сомнений не вызывает. Причем, не только у людей, которые принадлежат сегодня к социально обездоленным слоям и которые могли бы на этом выиграть. Между прочим, так же думают и состоятельные люди, принадлежащие к преуспевающим сегодня предпринимателям. Там доля сторонников такого подхода, правда, несколько понижается, но все равно это больше 70%.

Недра и природные богатства — это все должно принадлежать государству, их нельзя отдавать в частные руки. Ника-

кой приватизации лесов и природных угодий население — в том числе и состоятельная его часть — не принимает. Конечно, генезис этого явления можно проследить очень далеко вглубь истории. Характерен в этом отношении провал столыпинской аграрной реформы и ее идеологии. Когда летом 1917 г. проходил крестьянский съезд, крестьяне в массе своей высказались за возвращение к общине. В том числе, и даже в первую очередь, это касалось состоятельных крестьян, которые являлись в деревне лидерами мнений. Это ведь не бедняки навязали, и это еще не большевистская эпоха была.

Правильно здесь было сказано: ключевой для нас является идея справедливости, причем в основе своей — трудовой справедливости. Деньги нельзя делать из воздуха, например, с помощью игры на курсах валют. Это не англо-саксонское представление о богатстве. В России такое богатство нелегитимно, оно не принимается. Но отмечу: русский народ — и вообще, россияне в целом, — вопреки расхожим мифам, не настроены уравнилельно. Это одно из глубоких заблуждений. Никаких уравнилельных настроений в обществе нет. Другое дело, что это неравенство должно быть соответствующим образом оправдано. Оно возникает благодаря своим личным усилиям, заслугам перед «всеми миром», а не просто способностью хорошо чувствовать, к примеру, кросс-валютные курсы.

Такие сквозные идеи существуют, они постоянно воспроизводятся. Одной из них является и идея целеполагающего государства. Государство, в российской традиции, должно заниматься генерированием смыслов. Это не значит, что общество тоже этим не занимается. Общество может это делать и делает. Но, в любом случае, нецелеполагающее, несмыслополагающее государство отвергается. Каковым было, например, государство Ельцина. Все его попытки генерировать какие-то идеи, которые совершенно не резонировали с самосознанием населения и национальной традицией, начиная с середины 1990-х гг. отвергались, несмотря ни на какую пропаганду в СМИ.

Что, как мне кажется, является в докладе слабым моментом, так это то, что здесь не все идеологические пласты получили отражение. Речь шла исключительно о последовательно сформулированных политических идеологиях в узком смысле слова. Но в обществе существовали и другие «сквозные» идеи и идеологии. В частности, начиная, по крайней мере, с XVIII в. стержневой становится просветительская идея, идея распространения образования. Заметьте: ведь просветительские реформы попытались провести и в Турции, причем ненамного позже. В начале XVIII в., в так называемую эпоху тюльпанов, потом в царствование Селима III, который в конце XVIII в. чуть ли не прямо копировал Петра. Но это привело к совершенно иному результату, потому что другой была позиция населения и духовенства и их идеологические ориентиры. Если проследить нашу историю, видно, как просветительская идея неуклонно овладевала обществом, проходя определенные ступени укоренения. И, в конце концов, в 80-е гг. XIX в. образовательный запрос пошел снизу. И эта, ставшая фактически общенациональной идея, получив поддержку снизу, создала очень мощный социальный порыв, результатом которого, в частности, в какой-то степени стали и события 1917 г.

Мы по старой привычке почему-то все рассматриваем со стороны государства, а собственно общественные идеи как бы игнорируем. А потом удивляемся, что общество у нас никак себя не проявляет, а все ждет инициативы от государства. И потому все время возвращаемся в круг предвзятых подходов, предложенных еще в позапрошлом веке. За этот круг основополагающих представлений, в принципе, и не выходим, а только их модифицируем. Наша теоретическая оптика не позволяет нам видеть некоторые аспекты реальности, и это обуславливает значительную односторонность взгляда на то, что происходит в России.

Возьмем, например, советскую модель общества. Как мы обычно характеризуем историю этих десятилетий? Прежде всего, в политико-идеологических аспектах, отражающих то,

А.Л. Андреев. Для россиян ключевая идея — идея справедливости

что пытались навязывать (и навязывали) сверху. Тут сразу же заходит разговор о тоталитаризме, сталинизме и т. д. Но дают ли эти разговоры ответ, каким было советское общество на самом деле? Сосредоточившись исключительно на импульсах сверху, мы с самого начала отвергаем возможность посмотреть на все снизу, глазами человека, который решений, конечно, не принимал, но тоже влиял на происходящее уже самой массовидностью своих устремлений. А ведь для того, чтобы понять эти устремления — отдельно как от трескотни пропагандистского аппарата, так и от стереотипов историко-политологической мысли, — есть уже некоторые заделы, отправные точки. Есть, например, замечательная книга Козловой (к сожалению, недавно безвременно умершей), где анализируются дневники, письма, записи обычных, малограмотных людей, которые в 1920–1930 гг. приехали в города. Они работали, строили, заводили семьи, учились на рабфаках... Их личные документы чужды идеологизации, они писались для себя и дают представление о действительном духовном мире и массовой психологии. Там нет прославления партии, там люди — наедине с собой. Они мечтают о сытном пайке, о хорошем пальто... Но, в то же время, видно, как ими овладевает идея стать образованным человеком. И что же они в конце концов создали? Я так думаю, что не тоталитаризм и сталинизм. В процессе своей жизнедеятельности население создавало то, что можно было бы назвать обществом образования. Примерно к концу 1950-х — началу 1960-х гг. его контуры были уже очень ясно видны. Любопытно сопоставить то, что происходило у нас в то время, с тем, что было за рубежом, где полным ходом создавалось нечто иное — общество потребления. Есть сравнительные исследования, в том числе работы Левады о 1960-х гг., где очень показательно расставлена система приоритетов: что говорят, к примеру, американские женщины о том, что они считают важным для своих детей, и что думают по этому поводу советские женщины. Совершенно разные ориентации. У нас — образование,

культура и т. д. Там — естественно, процветание в бизнесе, стремление много путешествовать. Это различие, несмотря ни на что, остается ведь и сегодня.

Мы проводили подобное сопоставление с Германией. Правда, наши сравнительные данные относятся к 1999–2000 гг. Задавалось 100 понятий, которые описывают разные аспекты общественно-политической жизни, и зондировалась эмоциональная реакция на эти понятия россиян и немцев. Разрыв между опросами в России и Германии — всего год, это вполне сопоставимые данные. Я не буду обо всех понятиях говорить — о коммунизме, о вере, о молитве, об отношении к коммунизму и демократии и др. Но во всем ряду понятий, связанных с образованием, с наукой, с разумом у россиян получились показатели на 20–30% более высокие, чем у немцев. У немцев даже отношение к философии оказалось, как ни странно, довольно низким: где-то у 46% опрошенных оно положительное, но большинство философию все же не любят. Конечно, это на уровне отчасти отрефлексированного самосознания. Но мы знаем, что такие отрефлексированные представления проявляются и в социальном поведении.

Попытка слома ценностей образования была предпринята в начале 1990-х гг., и она чуть было не удалась. Но в середине 1990-х гг. началось наступление своего рода неоконсервативной волны, и общество стало возвращаться к тем установкам, которые были у него ранее. Конечно, к тому же самому в буквальном смысле вернуться нельзя. Но, тем не менее, просветительские ценности снова, в контексте национальной традиции, зазвучали. Вновь начали поступать в вузы. Отчасти, конечно, и по прагматическим соображениям, но, безусловно, не только по ним. Мне кажется, что этот пласт социальной истории был бы очень существенен, если реально посмотреть на то, как все происходило. Общество образования в СССР есть продолжение того, что было начато еще в дореволюционной России. И вместе с тем, это некая ранняя историческая модель того, что сегодня на Западе называют обществом знаний.

А.Л. Андреев. Для россиян ключевая идея — идея справедливости

Она возникла лет за 30 до нынешних проектов ЕС, особенно в лице социал-демократической его части. А мы, тем не менее, по привычке заученно твердим о догоняющем развитии. Лично у меня, когда я читаю документы и декларации о европейском обществе знаний, создается такое ощущение, будто я переносусь в Советский Союз начала 1960-х гг., во времена моей студенческой юности. Когда я сижу на семинаре, а мне немцы говорят, что это очень хорошо, когда самодеятельные театры есть — предположим, в школах, — я вспоминаю, что у нас это все 40 лет назад уже было, а они только сейчас об этом подумали. Кстати, я считаю, что идея всемерного развития образования примирила бы у нас многих, независимо от национальностей, независимо от социальных установок.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

А образование — ради чего? Целевая установка образования может быть различной.

А.Л. Андреев:

Да, она, конечно, менялась. Если посмотреть на сегодняшнего студента, он, безусловно, прагматик. Когда я учился, это было бескорыстное погружение в мир знаний. Конечно, современный студент мыслит прагматически, он все время помнит о целях материального благосостояния, но его прагматизм и не чисто меркантилен, он включает в себя строительство личности. Мы пробовали со студентами этот вопрос проговаривать. Все-таки не только деньги, не только диплом — хочется быть человеком, достойным этого имени.

В.Э. Багдасарян:

А это, соответственно, разные идеологические модели.

А.Л. Андреев:

Понимаете, в жизни они на самом деле пересекаются. Ведь это естественно, им еще и семью кормить надо.